

РЯГУЗОВА Людмила Николаевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия

Lyudmila N. RYAGUZOVA

Dr. Sci. (General Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics), Prof.,
Department of Russian Literature, Literature Theory and Criticism
Kuban State University,
Krasnodar, Russia,
r-margo79@mail.ru

Мотивы «изгнания» в публицистике В. В. Набокова

В статье сопоставляется выражение мотива «изгнание» в публицистическом и художественном дискурсе Набокова в аспекте ассоциативно-семантического анализа. Мотив изгнания проходит через большинство тем, отраженных в творчестве Набокова, при этом художественная проблематика эмигрантского бытия в образной форме реализуется во многих набокловских текстах. Рассмотрены понятия («изгнание», «эмигранты»), которые получают индивидуально-авторское выражение в прозе и публицистике писателя и раскрываются через ассоциативный ряд определений. Автор делает вывод о том, специфические образные представления и их индивидуально-авторское выражение в идиостиле и понятийной системе Владимира Набокова служат познанию языковой структуры текста, поэтического мира писателя и связанных с ним проблем самоидентификации (социальной и творческой).

Ключевые слова: В. Набоков, литература, русское зарубежье, публицистика, эмиграция, изгнание, концепт, мотив.

Motives of “Exile” in Vladimir V. Nabokov’s Publicism

The author of the article compares the expression of the motive “exile” in Nabokov’s publicistic and literary discourse in the aspect of associative-semantic analysis.

The motive of an exile runs through the most of the topics reflected in the works of Nabokov, and also the artistic problems of the emigrant’s being implemented in many of Nabokov’s texts. The concepts (“exile”, “immigrants”), which receive individual expression in the prose and journalism of the writer and disclosed through the array of associative definitions are considered. The author concludes that the specific figurative representations and their individual expression in Nabokov’s idiosyncratic and conceptual system help to study the linguistic structure of the text, the writer’s poetic world and the social and creative identity problems associated with it.

Keywords: Vladimir Nabokov, literature, Russian abroad, journalism, immigration, exile, concept, motive.

Ассоциативно-семантический анализ, или «вивисекция» слова в индивидуально-авторской мифологии Набокова – привлекательная тема для исследователей его творчества. В манере концептуального анализа Набоков поясняет в лекциях по литературе значение некоторых слов и понятий, например: «измена», «истина», «пошлость», «искусство», «буржуазный», «сентиментальность», «романтизм», «здоровый смысл» и др. Он описывает их

через систему наиболее общих, абстрактных обозначений, по терминологии писателя, – «слов-указателей», или «кодовых фраз». Некоторые его высказывания по форме близки к определениям, являются денотатом, другие воспринимаются как дополняющие его коннотации, обретающие в сознании читателя почти терминологический смысл. В духе ассоциативно-семантического анализа представлено в романе «Подвиг» слово «изгнание» – это

блаженство, духовное одиночество, дорожные волнения героя-эмигранта (*вольного странника*), жизнь которого обернулась счастливым и мучительным путешествием.

Эмиграцию исследователи творчества писателя рассматривают как жизненный объект, чреватый возможностями семиотизации и преобразования в объект искусства или источник литературных мотивов и образов [5]. Ассоциативно-семантическое поле концепта «эмиграция» и его эмоциональный фон у Набокова включает индивидуально-авторские коннотации и оттенки, особенно в лирике и художественной прозе (название романа «Другие берега» стало эмблемой мемуарной прозы эмиграции). З. Зиник назвал книгу о зарубежье многозначительно: «Эмиграция как литературный прием» [4]. Семантические эквиваленты и эмоциональные оттенки понятия «эмиграция» в литературе русского зарубежья, как известно, различны: это *великий исход*, особая «*миссия*» (И. А. Бунин), «*послание*» (З. Гиппиус), «*чужбина*», «*изгнание*», «*вынужденная эмиграция*» (З. Шаховская), «*странничество*», «*двойной вид на жительство*» в одной культуре и другой, «*убежище*» (М. Алданов), «*подвиг изгнания*», «*пустыня изгнания*» (Д. Мережковский). В эссе «Юбилей» (1927) Набоков сформулировал новое самосознание эмиграции как творческой свободы. Не проклиная «изгнание», он повторяет слова античного воина, который в пустынной земле разбивал палатку, и палатка была его Римом. В читательском сознании сложился легендарный образ космополита, пересекающего страны и континенты. В критике закрепилось представление о «двойном изгнании» Набокова и соответственно трансформации его образа: Годунов-Чердынцев якобы эмигрировал в Америку, сменил имя на Гумберта Гумберта, стал приемным отцом Лолиты [4, с. 160–179].

В героях романов Сирина видели, как правило, эмигрантское завершение типа русского *скитальца* (с его бегством от определенности, устойчивости). М. Осоргин, напротив, не сводил проблематику Сирина к теме «беженства». Древняя, гомеровская тема *изгнания/возвращения* воспринимается Л. Улицкой, в частности, через некий внутренний литературно-биографический параллелизм Набокова с «Улиссом» Джойса («Священный мусор»).

Онтологический подход к ситуации изгнания (топографического, лингвистического, духовного) в автобиографической прозе и поэзии, западноевропейское видение проблемы на примере творчества Набокова и Д. Джойса также рассматривается в книге С. Горациано «Автобиографическая поэтика Владимира Набокова в контексте русской и европейской культуры» [10]. В. Млечко прослеживает связь художественного дискурса «Современных записок» (1920–1940) и укорененного в коллективной ментальности «эмигрантского мифа», мифологем «изгнания», «возвращения», «возрождения»: мифологем Космоса (дореволюционная Россия), Хаоса (революционная Россия) и Возвращения (Россия в эмиграции как гарант утраченного Космоса) [6, с. 119–120]. В качестве циклической хронотопики, на его взгляд, выступает миф о вечном возвращении. Возвращение у Набокова описано в различных модальностях (просто возвращения, условного, чаемого будущего, модальности вопроса, перестройки топологии («Россия во мне»). Набоков являет собой пример аристократического, космополитического эмигранта, открытого миру.

Топос детства – потерянного рая – занимает особое место в художественном мышлении Набокова. Мифологизация и сакрализация детства – характерная черта прозы зарубежья и литературы модернизма («Котик Летаев» А. Белого, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Младенчество» В. Иванова, «Лето Господне», «Богомолье» И. С. Шмелева) [1]. Набоков наследует мистический ракурс темы, ее экзистенциальное измерение, мотив изгнания (первое изгнание – рождение, второе изгнание – из мира детства, третье – эмиграция) и в то же время видоизменяет традицию и восприятие ее ценностной системы. Тоску по утраченному раю детства, изживаемую на протяжении всей жизни, заменяет блаженство духовного одиночества и дар Мнемозины, обретаемый в изгнании.

Тема призрачного эмигрантского бытия реализуется в образной форме во многих художественных текстах Набокова-Сирина, например, в «Машеньке», где Ганин ощущает себя *кинematографической тенью* («*тень жила в пансионе, он же сам был в России*», его преследуют «*тени его изгнаннического сна*» и др.).

Доминирующей темой романа является «несуществование», «ничто», «пустота», «отказ», символизирующая изгнание из жизни и ситуацию «сна во сне». Ю. И. Левин рассматривает в структурно-семиотическом ключе сюжет романа «Машенька» через оппозиции *иллюзия / действительность*, когда реальность и иллюзорность в романе повисают в виде «семантических качелей», совершающих свои колебания от одной реальности к другой. Фабула построена на «отказах», выраженных в оппозициях *реализованное / нереализованное*. Вещественный мир и ощущения попеременно торжествуют друг над другом [5]. Многие герои Набокова, как известно, сохраняя особенности профессии и биографии, сливаются в единый образ *беглеца*, которого не отпускает память о далекой родине. Метатема русского и всемирного начал, конфликт между «я» героя и миром становится жизненно важным предметом исследования со стороны автора, который видит мир в ипостаси мира-чужбины, то есть рассматривает героя в изгнании, и форма эмиграции является лишь вынужденной картиной глобального изгнанничества человека, его утраты «земного рая», обретение которого в метаромане В. Набокова является лишь иллюзией обретения, становясь на самом деле его окончательной утратой. Ностальгия в собственном смысле слова смешивается с ностальгией по прошлому: «Местопребывания Я отделено от России двойкой границей: временной и социально-политико-географической (свое / чужое пространство). Я целиком укоренено в России своего прошлого и чуждо Европе, однако эта чуждость не абсолютна, ибо Я получил европейское воспитание и окружен реалиями – от английских и французских гувернанток и европейской литературы до трубочек английской зубной пасты» [5, с. 324]. «По отношению к пишущему на трех языках Набокову слово эмигрант звучит комично», – справедливо замечала Н. Берберова [2, с. 305]. И можно добавить: постоянно говорившему о своем «интернациональном», «английском» детстве. Тем более, по убеждению Набокова, истинный писатель и читатель должны быть космополитами, так как подлинное искусство не имеет национальных границ.

Мотив изгнания концептуализируется в критическом дискурсе Набокова (в частности,

в публицистике, письмах). Этот материал менее приметен и популярен в кругу набоковедов, к тому же он позже стал доступен для прочтения. Набоков практически избегает слова «зарубежье», официальное и общее «эмиграция» чаще употребляется в письмах и интервью: «эра эмиграции», «вечный эмигрант» [9, с. 397]; «Монархисты и фашисты в культурном отношении не играли никакой роли в истории русской *эмиграции*» [8, с. 427]. «С 1920 по 1939 я был *эмигрантом* и писал на родном языке. После 1940 года я стал *гражданином США*, я горд тем, что считаюсь американским писателем» [3, с. 486]. У писателя свои представления о «вывезенной на экспорт русской душе» [9, с. 426].

В его свободной речевой рефлексии эмигранты – *изгнанники, изгои, привидения, беженцы, чужеземцы, «белые русские», белоэмигранты, вечные эмигранты*. Понятие «чужбина» (*нелюбимая обитель*) со временем изменяется (ср.: ностальгия Набокова по Америке, второй родине, приемной стране), как и статус эмигранта по мере институализации героев («Пнин», «Взгляни на арлекинов!»). Писатель изживает несколько инфантильное отношение к России вместе со своими героями, которые от романа к роману ассимилируют в иную среду.

Для Набокова «эмигранты были разбиты на такое же количество группировок и политических фракций, какое существовало в стране до большевистского режима» [9, с. 214]. Себя он относит к «*белым русским*»: «Исторически я сам из “белых” русских, поскольку все русские, покинувшие Россию в первые годы большевистской тирании из-за враждебного отношения к ней, как это сделала и моя семья, были и остаются “белыми” русскими в широком смысле слова» [9, с. 214]. Оттенок кастовости, геральдической гордости читается между строк.

Новая Россия для писателя олицетворяет «свет в окне тюремного надзирателя», «загон»: «Представители большевистской России изо всех сил старались убедить *эмигрировавших* писателей и художников вернуться обратно в *загон*» [9, с. 216]. *Изгнанничество* – состояние постоянного изгнания (ср.: от *изгонять, выгонять, высылать, удалять, принуждать к уходу*). Слова «изгон», «загон», по В. Далю,

имеют оттенок «обиды», «насилия» (стар. *опала, гонение*). *Изгнанный* (прош., страд.), *изгой* – человек, вышедший из своего прежнего социального состояния, удаленный, стоящий вне какой-либо среды, отвергнутый. Набокову близок тип художника – вечного изгнанника, в более конкретном смысле изгнание для художника обозначает лишь одно – запрет на его книги (вообще *искусство*, в его понимании, в широком смысле – *изгнание*).

Эмигранты (*эмиграция* от лат. *emigrare* – пребывание за пределами отечества вследствие вынужденного переселения) – инвариантное понятие; *изгой, привидения, беглецы* – варианты, наиболее ярко выражающие идею духовной бесприютности, изгнанничества, скитания: «*Беглец* из своей страны заслуживал большего презрения, будучи вне национальной администрации», «не все из нас соглашались быть *изгоями* или *привидениями*» [9, с. 369]. В лексическом отношении само эмигрантское бытие характеризуется как *чужбина / изгнанье*. Самые разные предметы и реалии наделяются атрибутами «чужой». Само Я охарактеризовано (например, в лирике) как *странник, скиталец, паломник, проезжий, праздный, изгнанник, бродяга, бездомный* и др.

Тема изгнания, таким образом, для Набокова имеет глубокий подтекст. В одном из интервью на вопрос корреспондента, какие темы, помимо темы *изгнания, чужбины, бездомности*, волнуют его как писателя, Набоков отвечал: «Я чувствую себя *чужеземцем* повсюду и всегда, это мое состояние. Мое амплуа, моя жизнь. Я *дома* лишь в воспоминаниях, очень личных, подчас не имеющих никакой связи с *географической, национальной, физической, политической Россией*» [9, с. 399]. К новой России у писателя не было материальных претензий, он испытывал ностальгию по стране своего утраченного детства. Став знаменитым, свое изгнание он воспринимал как потерю для России, не для себя. В политических статьях В. Д. Набокова о критике евразийства встречается ироническая оппозиция *туземная / европейская* (романо-германская) культура [7, с. 412]. Слово «туземная» парадоксальным образом связано с родной культурой, у В. В. Набокова «чужеземная» – «европейская».

Концепт «изгнание» в художественном сознании писателя амбивалентен. Эмигра-

ция – *чужбина, бездомность, бесприютность, изгнание* («законное изгнание») и одновременно с этим – *покров, убежище, «благословенная высылка»* [9, с. 399]; «благополучного изгнания я снова чувствую покров». Ценностный сдвиг возникает в лирике 1930-х годов, где изгнание получает атрибуты благополучия и безопасности или характеризуется как дом, скитания воспринимаются как счастье с их обычными железнодорожными атрибутами [5]. Это годы «вольного зарубежья» в «вещественной нищете и духовной неге» («Другие берега»). В публицистике 1950-х годов повторяются эти мотивы. «Славное изгнанье», «великий выход на чужбину»; «Монре – мое розовое изгнанье» [9, с. 162]. «В этом *розовом изгнании* я пытаюсь развить в себе ту же плодотворную ностальгию по отношению к Америке, своей *новой родине*, которую испытывал по России, своей *старой отчизне*, в первые послереволюционные годы *западноевропейской экспатриации*» [9, с. 162].

В лексиконе писателя часто встречается слова *экспатриант, экспатриация* (акцент сделан на потере гражданства) среди других в этом ряду: «русский экспатриант», «западноевропейская экспатриация», «центры экспатриации» (более привычная метафора – «гнезда рассеяния»). Например: сюжет романа «Дар», по Набокову, повествует о «приключениях, литературных и романтических, молодого русского экспатрианта в Берлине, в 20-х годах» [9, с. 121]; «Берлин и Париж, два центра экспатриации» [9, с. 395] и др. Репатриация (лат. *repatria* – возвращение на родину с восстановлением в правах гражданства), экспатриация (лат. *expatria* – добровольное или принудительное выселение за пределы родины, обычно влекущее потерю гражданства). Экспатриант теряет гражданство в отличие от эмигранта, который, как правило, не утрачивает гражданства. Главный признак эмигранта – то, что он не может вернуться, Набоков же верил в возвращение на родину своего творчества. Этим отличалось его самоощущение изгнанника.

Нельзя думать, что метафорические, окказиональные термины (семантические эквиваленты понятия «эмиграция») в публицистике полностью вытесняются. Общепринятое понятие «литература (культура) русского за-

рубежья» (или «русская литература в изгнании», по определению Г. Струве) у Набокова получает индивидуально-авторское выражение – «ссылная культура» [9, с. 147]; «поэтическое землячество в Париже» [8, с. 136] и др. «Во времена великой, еще не воспетой эры русской интеллектуальной эмиграции, примерно между 1920 и 1940 годами, – пишет Набоков, – книги, написанные по-русски русскими эмигрантами и напечатанными эмигрантскими издательствами, хорошо покупались, и эмигранты передавали их друг другу...» [9, с. 147].

Словесно-образное представление понятия (в частности, «изгнание») через ассоциативный ряд определений – характерная черта языковой, художественно-творческой ментальности В. Набокова. Как видим, специфические образные представления и их индивидуально-авторское выражение в идее и понятийной системе писателя служат познанию языковой структуры текста, поэтического мира автора и связанных с ним проблем самоидентификации (социальной и творческой).

Использованная литература:

1. Аверин Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.
2. Берберова Н. Набоков и его «Лолита» // Набоков В. В.: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1997. С. 284–308.
3. Ежегодник Дома Русского зарубежья Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012.
4. Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: НЛО, 2011.
5. Левин Ю. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 323–392.
6. Млечко А. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.
7. Набоков В. Д. До и после Временного правительства. СПб.: SYMPOSIUM, 2015.
8. Набоков В., Уилсон Э. «Дорогой Пончик. Дорогой Володя». Переписка 1940–1971. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2013.
9. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002.
10. Garziano S. La poétique autobiographique de Vladimir Nabokov dans le contexte de la culture russe et occidentale. / préface de Jean-Claude Lanne, Lyon: Centre d'études slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin Lyon 3, 2012.

References:

1. Averin, B. V., *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* (The Gift of Mnemosyne: The Novels of Nabokov in the Context of Russian Autobiographical Tradition), Saint-Petersburg: Amfora, 2003.
2. Berberova, N., Nabokov i ego «Lolita» (Nabokov and his “Lolita”), in *Nabokov V. V.: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh issledovateley i mysliteley: Antologiya*, Saint-Petersburg: Russkiy khristianskiy gumanitarnyy institut, 1997, pp. 284–308.
3. *Ezhegodnik Doma Russkogo zarubezh'ya Aleksandra Solzhenitsyna* (Yearbook of Alexander Solzhenitsyn House of the Russian Diaspora), Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2012.
4. Zinik, Z., *Emigratsiya kak literaturnyy priem* (Emigration as a Literary Method), Moscow: NLO, 2011.
5. Levin, Yu., Bispatsial'nost' kak invariant poeticheskogo mira V. Nabokova (The Double-Spaceness as an Invariant of the Poetic World of Nabokov), in *Levin, Yu. I., Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika*, Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 1998, pp. 323–392.
6. Mlechko, A., *От текста к тексту. Simvoly i mify “Sovremennykh zapisok” (1920–1940)* (From the Text to the Text. Symbols and Myths “Contemporary Annals” (1920–1940)), Volgograd: Izdatel'stvo Volzhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008.
7. Nabokov, V. D., *Do i posle Vremennogo pravitel'stva* (Before and after the Provisional Government), Saint-Petersburg: SYMPOSIUM, 2015.
8. Nabokov, V. and Wilson, E., «Dorogoy Ponchik. Dorogoy Volodya». *Perepiska 1940–1971* (“Dear Donut”. “Dear Volodya”. Correspondence: 1940–1971), Moscow: Kolibri, Azbuka-Attikus, 2013.
9. *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'y, retsenzii, esse* (Nabokov on Nabokov and other Things: Interviews, Reviews, Essays), Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2002.
10. Garziano, S., *La poétique autobiographique de Vladimir Nabokov dans le contexte de la culture russe et occidentale* (Autobiographical Poetics of Vladimir Nabokov in the Context of Russian and European Culture), Lanne J.-C., Foreword, Lyon: Centre d'études slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin Lyon 3, 2012.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рягузова, Л. Н. Мотивы «изгнания» в публицистике В. В. Набокова [Электронный ресурс] / Л. Н. Рягузова // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 51-56. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Ryaguzova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Ryaguzova, L. N., Motivy «izgnaniya» v publitsistike V. V. Nabokova (Motives of «Exile» in Vladimir V. Nabokov's Publicism), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 51-56. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Ryaguzova.pdf Accessed Month DD, YYYY.

Владимир Набоков об изгнании, вымышленной реальности и жизни (из интервью Николасу Гарнхэму, октябрь 1968 г.)

Что означает для вас изгнание жизнь вдали от России?

Хорошо известный тип художника, вечного изгнанника, даже если он и не покидал родных мест, – фигура, с которой я ощущаю духовную близость; в более конкретном смысле «изгнание» для художника означает лишь одно – запрет на его книги. Все мои книги, включая самую первую, которую я написал сорок три года назад на изъеденном молью диванчике в немецких мебелирашках, запрещены в стране, где я родился. Это потеря для России, а не для меня.

Ваши произведения вызывают ощущение, что созданное вами бытие гораздо достовернее обыденной унылой реальности. Для вас категории воображения, мечты и реальности тоже весьма определенные понятия, а если да, то каковы они?

То, как вы употребляете слово «реальность», сбивает меня столку. Конечно, существует некая усредненная реальность, которую мы все осознаем, но это не есть истинная реальность: это реальность общих идей, условных форм банальной обыденности, передовицы на злободневную тему. Если вы имеете в виду под обыденной реальностью так

называемый реализм старых романов, банальность Бальзака, Сомерсета Моэма или Д. Г. Лоуренса – привожу самые удручающие примеры, – тогда вы правы, что реальность, сфабрикованная посредственностью, – уныла, а выдуманные миры приобретают, напротив, черты нереальности и мечты. Парадоксально, но единственно реальные, аутентичные миры – те, что кажутся нам необычными. Когда созданные мною фантазии сделают образцом для подражания, они тоже станут предметом обыденной усредненной реальности, которая, в свою очередь, тоже будет фальшивой, но уже в новом контексте, которого мы пока не можем себе представить. Обыденная реальность начинает разлагаться, от нее исходит зловоние, как только художник перестает своим творчеством одушевлять субъективно осознанный им материал.

Справедливо ли замечание, что вы воспринимаете жизнь как смешную, но злую шутку?

Вы используете слово «жизнь» так, что я не могу действовать все его мерцающее смысловое многообразие. Чья жизнь? Какая жизнь? Жизнь не существует без притяжательного местоимения. Жизнь Ленина отличается, скажем, от жизни Джеймса Джойса также, как пригоршня камней отличается от бриллианта голубой воды, хотя

они оба жили в изгнании в Швейцарии и оба очень много писали. Или возьмем судьбы Оскара Уайльда и Льюиса Кэрролла – один щеголял своим пороком и оказался за решеткой, другой таил свой маленький, но гораздо более тяжкий грех за дверями фотолaborатории с проявителями, а в результате стал великим детским писателем всех времен и народов. Я не несу ответственности за эти фарсы из подлинной жизни. Моя собственная жизнь была несравненно счастливее и здоровее, чем жизнь Чингис-хана, который, говорят, был отцом первого Набока, мелкого татарского хана двенадцатого века, женившегося на русской девице, — а в те годы русская культура достигла своего расцвета. Что же до жизни моих героев, не все они гротескны и трагичны: Федору в «Даре» выпали преданная любовь и раннее признание его гениальности, Джон Шейд в «Бледном огне» живет напряженной внутренней жизнью, совсем не соприкасаясь с тем, что вы называете шуткой. Вы, должно быть, путаете меня с Достоевским.

Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002. С. 240-241.